

Глава 6

Ф. А. ХАЙЕК И СТИХИЙНЫЙ ПОРЯДОК РЫНКА

6.1. Биографическое введение

Ф. А. Хайек был одной из ведущих интеллектуальных фигур XX века. Многосторонний философ, великий классический либеральный мыслитель и лауреат Нобелевской премии по экономике за 1974 г., Хайек написал множество работ, оказывающих мощное влияние не только в экономической науке, но и в философии и политике. Как было недавно сказано, наступающий период, если иметь в виду историю экономической, политической и общественной мысли, бесспорно может быть назван «эрой Хайека».

Хайек появился на свет 8 мая 1899 г. в семье университетских преподавателей и высокопоставленных чиновников, в которой очень высоко ценилась интеллектуальная университетская жизнь. При этом молодой Хайек был далеко не блестящим студентом: живое, хаотичное интеллектуальное любопытство мешало ему прилежно сосредоточиться на многочисленных учебных курсах. По признанию самого Хайека, записывая лекции, он переставал понимать то, что слышит, а поскольку толком запомнить объяснения профессоров не удавалось, то когда он хотел аргументировать какую-то позицию, ему приходилось *ex novo* и с большим напряжением изобретать все доводы. В статье «Два типа ума» (Наук 1978с, 50—56) Хайек отмечает, что свою интеллектуальную плодовитость всегда приписывал именно кажущейся хаотичности и интуитивности — качествам, характерным для его мышления и отличавшим его от других австрийских теоретиков, таких как Бём-Баверк и сам Мизес, чье владение предметом было абсолютным, так что они говорили о нем предельно ясно и четко.

Вернувшись с фронтов Первой мировой войны (где он подцепил малярию и немного овладел итальянским), Хайек поступил в Венский университет, бывший в то время длинным центром интеллектуальных тенденций и дискуссий. (Строгий анализ причин интеллектуального расцвета послевоенной Вены еще не написан.) Какое-то время Хайек предполагал изучать психологию и впоследствии действительно опубликовал книгу «Сенсорный порядок» (Наук 1952а), очень значительную работу, в которой изложил основы своего подхода к эпистемологии. Но в конце концов он остановился на праве и общественных науках, а областью специализации выбрал экономическую теорию; его руководителем стал Фридрих фон Визер — как мы уже отметили, самый, пожалуй, путаный и эклектичный член второго поколения австрийской школы.

По собственному признанию Хайека, в эти годы его политические взгляды мало чем отличались от взглядов других студентов: он был социалистом «фабианского» толка, верившим вслед за своим учителем Визером, что благотворное вмешательство государства может улучшить общество. Только после того, как Хайек прочитал «Социализм», критический трактат Мизеса, опубликованный в 1922 г., он расстался с юношескими социалистическими идеалами. Рекомендация Визера помогла Хайеку установить близкое профессиональное сотрудничество с Мизесом, сначала в возглавляемом им Управлении военных репараций, а потом в качестве руководителя основанного Мизесом Австрийского института исследований делового цикла. Кроме того, Хайек стал одним из самых усердных и продуктивных участников семинара по экономической теории, который Мизес проводил каждые две недели в Венской торговой палате, в своем кабинете генерального секретаря.

Следует подчеркнуть, что Хайек в большом долгу у Мизеса, идеи которого послужили отправным пунктом почти всех его работ по теории экономики.

Благодаря Мизесу Хайек вышел из-под нездорового влияния Визера и вернулся к основам австрийской концепции экономики, которые заложил Менгер, обогатил Бём-Баверк

и укрепил Мизес, защищавший их от недалёковидности позитивистских теоретиков вроде Шумпетера и приверженцев модели равновесия вроде Визера. Отношения между учителем Мизесом и учеником Хайеком развивались весьма необычно. Питая друг к другу взаимное признание и уважение, временами они расходились во взглядах. Отметим, что Хайеку было свойственно подчеркивать свою интеллектуальную независимость от учителя, теории которого, как признавал сам Хайек, в конечном итоге неизменно подтверждались ходом развития реального мира.

В 1931 г. другой последователь Мизеса, Лайонел Роббинс, предложил Хайеку пост профессора в Лондонской школе экономики, который он и занимал до 1949 г. Так Хайек стал ведущим представителем австрийской школы экономической теории в англоязычном мире. Хайека всегда отличала предельная учтивость в отношении его оппонентов, которых он позволял себе упрекнуть разве что в интеллектуальной ошибке, но ни в коем случае не в недобросовестности. Так было, например, во время дискуссий с социалистами, Кейнсом, Найтом и чикагской школой, с которыми он полемизировал не только в вопросах методологии (Хайек даже заявил, что после «Общей теории» Кейнса наибольшую опасность для экономической теории представляет книга Милтона Фридмана «Очерки по позитивной экономической теории» (Friedman 1953), но также о теории денег, капитала и циклов (Найек 1994). Хайек не произнес ни слова упрека или протеста, даже когда на него яростно и несправедливо набросился Кейнс, а члены экономического факультета Чикагского университета забаллотировали, высокомерно отказавшись принять в свои ряды «теоретика австрийской школы». (К счастью, Хайек в конце концов был принят — без официального жалования, поскольку его оплату взял на себя частный фонд, — в Комитет по общественным наукам того же университета, где он написал свой монументальный труд «Конституция свободы» [Найек 1990а; Хайек 2007].)

Хайеку не очень повезло в личной жизни. В 1949 г. он разрушил свою семью, решив развестись с женой, чтобы жениться на страстной любви своей молодости — кузине,

которая по недоразумению вышла замуж за другого. Хайек заново влюбился в нее, приехав в Вену после Второй мировой войны, когда кузина уже овдовела. Хайек и его семья дорого заплатили за это решение. Английские друзья вслед за Роббинсом отвернулись от него, первая жена умерла, по видимому, не вынеся печали (тема эта была запретной, Хайек и его близкие отказывались об этом говорить). Как бы то ни было, примирение с Роббинсом состоялось только много лет спустя по случаю свадьбы сына Хайека — Лоренса, так что Хайеку пришлось 1950-е и начало 1960-х годов провести в «ссылке» в США. Хуже того, в эти годы Хайек начал страдать из-за серьезных проблем со здоровьем: сначала от нарушения обмена веществ, что крайне ослабило и истощило его, потом он начал терять слух, что сделало его несколько сухим в личном общении, и, наконец, ученого терзали повторяющиеся приступы тяжелой депрессии, надолго лишавшие его интеллектуальной активности. Собственно говоря, во введении к сочинению «Право, законодательство и свобода» Хайек признавался: временами казалось, что болезни не дадут ему закончить книгу (Науек 1981; Хайек 2006). Неизвестно, в какой мере суровый личный опыт Хайека усилил его убежденность в огромной важности следования моральным образцам для сохранения человеческой жизни на личном и социальном уровне. Однако то, как он подчеркивал это в своих работах, создает впечатление, что мысль принадлежит человеку, знающему, о чем он говорит, по личному опыту.

Все проблемы со здоровьем (телесным и психическим) чудесным образом исчезли, когда в 1974 г., ровно через год после смерти своего учителя Людвиг фон Мизеса, Хайек получил Нобелевскую премию по экономике. Он почувствовал, что время изоляции в научном мире осталось позади, и начался период неустанной деятельности, когда он ездил по всему миру, пропагандируя свои идеи, и даже сумел закончить еще несколько книг. (Последняя из них — «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма», появилась, когда ученому было почти 90.) По сути дела, можно утверждать, что присуждение Хайеку Нобелевской премии стало началом поразительного возрождения современной австрийской

экономической школы, — возрождения, ареной которого стал теперь весь мир.

Хайек всегда сторонился политики. Он полагал даже, что роль интеллектуала, главной жизненной целью которого должна быть научная истина, несовместима с ролью политика, вынужденного ради голосов избирателей подчиняться диктату общественного мнения (Наук 1991). Хайек верил, что в долгосрочной перспективе намного продуктивнее усилия, направленные на то, чтобы убедить интеллектуалов (и отсюда большой успех основанного им классического либерального общества Мон-Пелерин) или повлиять на общественное мнение. (Хайек отговорил Энтони Фишера от карьеры политика и убедил его, что для распространения в мире идей классического либерализма намного полезнее будет создать Институт экономических отношений (Institute of Economic Affairs), а позднее — Исследовательский фонд Атлант (Atlas Research Foundation)). В общем, без стратегических инициатив Хайека невозможно представить то изменение общественного мнения и интеллектуального климата, которое привело к падению Берлинской стены и свободнорыночной/консервативной революции, произошедшей в США при Рейгане и в Англии при Маргарет Тэтчер, — революции, которая оказала и продолжает оказывать столь мощное влияние на ход мировых событий.

Будет, пожалуй, уместным закончить этот раздел рассказом об отношении Хайека к религии. Крещеный католик, он в юности перестал соблюдать обряды и стал агностиком. Тем не менее с годами в нем росло общее понимание ключевой роли религии в сохранении обычаев, составляющих основу общества, и, в частности, значения теологов испанского золотого века как предшественников современной экономической и общественной науки. Более того, в 1993 г. католический мыслитель Майкл Новак удивил интеллектуальный мир, сделав достоянием гласности длительный личный разговор папы Иоанна Павла II с Хайеком, незадолго до смерти последнего в 1992 г., и обратил внимание на несомненные признаки заметного влияния мыслей ученого в энциклике *Centesimus Annus*, особенно в главах 31 и 32, которые полны

заимствованиями из Хайека (Novak 1993a; 1993b). Мы никогда не узнаем, смог ли Хайек, убежденный агностик, в последние минуты жизни сделать необходимые шаги, чтобы постичь и принять ту высшую «антропоморфную» сущность, которая намного превосходило его способность понимания. Но вот что нам известно наверняка: Хайек лучше, чем кто бы то ни было, понимал опасности, которыми грозит обожествление человеческого разума, и ключевую роль религии в избежании этих опасностей, вплоть до того, что, как пишет Хайек в последнем предложении своей последней книги, «от ответа на этот вопрос может зависеть выживание нашей цивилизации» (Hayek 1988; Хайек 1992).

6.2. Исследование экономических циклов: межвременное рассогласование

Первые десятилетия своей научной карьеры Хайек посвятил исследованию циклов. Он шел путем, намеченным Мизесом, но стал автором ряда собственных, очень существенных достижений. Шведская академия присудила ему в 1974 г. Нобелевскую премию главным образом за его работы 1930-х годов в области теории циклов.

Надо подчеркнуть, что, когда в 1931 г. Хайек прибыл в Англию, его аналитический инструментарий был куда богаче, чем у его английских коллег в целом и у Кейнса в частности. Прежде всего, Хайек владел теорией капитала Бём-Баверка и превосходно понимал, что мнимый «парадокс бережливости» теоретически совершенно бессмысленен. Ведь, согласно теории Бём-Баверка, любое увеличение сбережений ведет к сокращению потребления, тем самым понижая относительные цены потребительских товаров. То, что Хайек назвал «эффектом Рикардо», заключается в повышении спроса на инвестиционные товары, причиной чего является рост реальной заработной платы, который в свою очередь *ceteris paribus** вызывается понижением цен на потребительские товары, провоцируемым ростом сбережений. Уменьшение

* При прочих равных (лат.). — Прим. перев.

цен на потребительские товары ведет также к относительному росту предпринимательских прибылей на этапах, дальше всего отстоящих от потребления, где в условиях падения процентных ставок, вызываемого избытком сбережений, наблюдается повышение ценности продукции. Совместным результатом всех этих факторов является удлинение производственной структуры, капиталоемкость которой повышается под влиянием более щедрого финансирования, делающегося возможным благодаря увеличению количества реально сбереженных ресурсов (Науек 1995). Согласно Хайеку, проблема возникает, когда манипуляции денежным обращением в форме кредитной экспансии, осуществляемой банковской системой без опоры на реальные сбережения, делают доступными для предпринимателей новые финансовые ресурсы, которые превращаются в инвестиции, как если бы они действительно были результатом роста сбережений, что на деле не так. Итогом оказывается удлинение инвестиционных процессов, отражающее искусственное понижение ставки процента, которое не может продолжаться долго. Таким образом, для Хайека главное — это происходящие под влиянием роста денежной массы изменения относительных цен (точнее, цен на капитальные блага, используемые на разных этапах производственного процесса, и цен на потребительские товары). Количественная теория денег, которую интересует исключительно воздействие колебаний денежной массы на общий уровень цен, склонна игнорировать и затемнять данное явление.

Более того, Хайек понял, что в 1920-х годах американский Федеральный резерв обдуманно проводил политику активной кредитной экспансии, чтобы нейтрализовать «дефляционные» последствия значительного роста производительности. Так что, даже несмотря на отсутствие заметного роста цен на потребительские товары и услуги, в этот период происходил значительный рост денежной массы и сформировался огромный финансовый пузырь. Рано или поздно этот пузырь должен был лопнуть и вскрыть накопившиеся грубые инвестиционные ошибки. Хайек утверждает, что *в ситуации падения цен, отражающего общий рост производительности,*

политика стабилизации ценности денег неизбежно порождает серьезное межвременное рассогласование между решениями инвесторов и потребителей, которое рано или поздно должно принять форму экономической рецессии. Хайек выразил эти идеи в статье «Межвременное равновесие цен и изменение ценности денег» (“Intertemporal Price Equilibrium and Movements in the Value of Money”), опубликованной в 1928 г. (Hayek 1937). Применяв этот анализ к существовавшим тогда обстоятельствам, Хайек сумел предсказать Великую депрессию, начавшуюся в октябре 1929 г., которую он всегда рассматривал как результат искусственной масштабной кредитной экспансии, проводившейся Федеральным резервом все предшествующее десятилетие (Huerta de Soto 2006, 424—431, Скоузен 2002).

Позднее, в 1931 г., Хайек опубликовал книгу «Цены и производство» (Hayek 1935, Хайек 2007), пожалуй, свою самую значительную и известную работу по теории цикла. В этой короткой, но имеющей ключевое значение, работе, Хайек объясняет, с точными аналитическими подробностями, каким образом кредитная экспансия, не имеющая опоры в предшествующем росте добровольных сбережений, искажает производственную структуру, искусственно делая ее чрезмерно капиталоемкой, требуя, чтобы допущенные ошибки были обнаружены в форме рецессии.

Для Хайека изменения денежной массы не бывают нейтральными и всегда оказывают крайне пагубное влияние на структуру относительных цен. Когда новые деньги создаются в форме кредита, они всегда попадают в экономику в конкретной точке. Первоначально деньги расходуются на определенные средства производства и производственные услуги, и только потом, медленно, последствия дополнительного вливания денег распространяется по всей производственной структуре. Это означает, что некоторые цены (на капитальные блага, дальше всего отстоящие от конечного этапа потребления) будут затронуты раньше других (цен на товары, стоящие ближе к потреблению), и таким образом размещение ресурсов в производственной структуре изменится. Появление дополнительных фидуциарных денег, созданных банковской системой, означает, что некоторые предприни-

матели, которые несли бы постоянные убытки, теперь получают прибыль, а многие рабочие, которые не могли бы найти работу в определенных секторах, легко ее получают.

Обычно новые деньги попадают на рынок вслед за искусственным снижением ставок процента (ниже «естественного» уровня), что является одним из элементов политики кредитной экспансии и дешевых денег. Относительное падение учетной ставки и облегчение условий выдачи кредитов логически ведет к росту инвестиционных расходов по отношению к потребительским, тем самым искажая индикаторы, которыми руководствуются предприниматели, особенно показатель относительной доходности капитала, вложенного на каждом из этапов или стадий составляющих, согласно австрийцам и нашему знанию, производственную структуру.

В результате понижения процентных ставок прибыльными делаются инвестиции, которые раньше таковыми не были. Относительный рост инвестиционных расходов в свою очередь толкает вверх цену факторов производства, что заставляет предпринимателей переходить к более капиталоемким методам производства и обеспечивает повышение спроса на природные ресурсы. В то же самое время происходит падение относительных прибылей в отраслях, производящих потребительские товары, где издержки постепенно повышаются, а цены — нет. Это кладет начало перетоку производительных факторов из отраслей, расположенных ближе к потреблению, в самые капиталоемкие сектора хозяйства. Для того чтобы новая капиталоемкая система производства, которая только начала создаваться, смогла принести плоды, этот переток должен осуществляться достаточно долгое время. Хайек подчеркивает, что когда полезность машины зависит от производства других капитальных благ, без которых ее невозможно использовать, то машина оказывается бесполезной, если из-за нехватки ресурсов эти комплементарные товары оказываются не произведенными.

Тем не менее раньше или позже новые деньги, которые банковская система впрыснула в экономику, начинают попадать в карманы владельцев факторов производства, и соответствующий рост денежных доходов толкает вверх

спрос на потребительские товары. Нет причин полагать, что потребители заметно изменили изначальную пропорцию распределения денежных доходов между потреблением в настоящем и в будущем. Поэтому если исключить гипотетический случай, в котором экономические агенты направляют в сбережения все новые деньги, созданные банковской системой (практически невероятное событие), то мы получим повышение относительных цен на потребительские товары, порожаемое: а) приходом новых, ликвидных денежных активов в сектор потребительских товаров, что обеспечивает повышение спроса; и б) тем фактом, что производство потребительских товаров временно сокращается не только из-за временного отвлечения ресурсов из секторов, расположенных ближе к потреблению, но и потому, что многие ресурсы поглощены инвестициями, которые начнут давать отдачу только в конце продолжительного периода времени.

Повышение относительных цен в секторе потребительских товаров ведет к ряду последствий, прямо противоположных вышеописанным, которые первоначально дает кредитная экспансия: прибыли начинают расти в отраслях, расположенных ближе к потреблению, и относительно падать в инвестиционных секторах. Капитальные блага, которые предприниматели начинают производить с прицелом на очень капиталоемкую структуру производства, теперь должны быть адаптированы, если это возможно, к менее капиталоемкой структуре (а потому и более трудоемкой, что логично, если учесть, что повышение потребительских цен всегда означает падение реальных ставок заработной платы). В результате начинается общий переток факторов производства из инвестирования в потребление, а наиболее капиталоемкие сектора (строительство, верфи, высокотехнологичные отрасли, компьютеры и коммуникации и пр.), прибыльные только при низких ставках процента, теперь несут большие убытки, поскольку, как теперь выясняется, их расширение было чрезмерным и неоправданным. Короче говоря, из-за нехватки реальных ресурсов, необходимых для завершения чрезмерно амбициозных изменений производственной структуры, экономический спад становится неизбежным.

Эти изменения были предприняты по ошибке, объясняемой чрезмерной легкостью финансирования, ставшей результатом развязанной банковской системой искусственной кредитной экспансии. Внешними проявлениями спада являются избыток производственных мощностей в инвестиционных секторах и относительная нехватка их в секторах, расположенных ближе к потреблению.

Хайек подчеркивает, что рецессии представляют собой, по существу, кризисы, провоцируемые избыточным спросом на потребительские товары или, точнее, недостатком сбережений, иными словами, сбережений оказывается недостаточно, чтобы завершить ошибочно начатые инвестиции в капиталоемкие производства. В результате кредитной экспансии возникает примерно та же ситуация, что на воображаемом острове, обитатели которого затеяли строительство машины, способной удовлетворять все их нужды, но истратили свои сбережения и капитал раньше, чем достроили ее, а потому вынуждены забросить проект и заняться исключительно добычей пропитания, не имея возможности использовать при этом какой-либо капитал.

Таким образом, существование во многих производствах в период рецессии «простаивающих мощностей» (особенно в отраслях, дальше всего отстоящих от потребления, таких как строительство, производство капитальных благ, телекоммуникаций или компьютеров) никоим образом не доказывает, согласно Хайеку, что капитала слишком много или что потребление недостаточно. Напротив, это признак того, что мы не в состоянии использовать весь наличный постоянный капитал, так как текущий спрос на потребительские товары настолько неотложен, что мы не можем себе позволить роскошь производить переменный капитал, необходимый для использования этих простаивающих мощностей.

Таким образом, Хайек доводит до логического конца теорию капитала Бём-Баверка и мизесовский анализ цикла, когда он описывает, как централизованное вмешательство в денежное обращение порождает широкое межвременное рассогласование между решениями экономических агентов (инвесторов и потребителей), и объясняет, что рецессия —

это всего лишь этап здоровой реорганизации экономики. Хайек объясняет, что этот этап нельзя миновать, но можно его облегчить, если избегать последующей кредитной экспансии или искусственного стимулирования потребления и позволить силам рынка постепенно утвердить новую структуру производства, более соответствующую истинным желаниям участвующих в ней экономических агентов (Huerta de Soto 2006, 265—341; см.: Уэрта де Сото 2007, гл. 5, 1—2).

Выше вкратце приведен предложенный Хайеком анализ теории экономического цикла, позднее заверченный в работе «Прибыль, процент и инвестиции» (Hayek 1939), в которой он исходит из предположения, что неиспользуемые факторы производства существуют. Хайек постепенно углублял и оттачивал свой анализ параллельно с дискуссиями с Кейнсом и теоретиками чикагской школы по теории денег, капитала и циклов. В следующем разделе мы рассмотрим эти дискуссии.

6.3. Дискуссии с Кейнсом и чикагской школой

Нет ничего удивительного в том, что Хайек с самого начала противостоял теоретикам неоклассической традиции, которые из-за отсутствия корректной теории капитала и неспособности применить теорию предельной полезности к деньгам настаивали на том, чтобы подходить к текущим экономическим проблемам исключительно с макроэкономических позиций.

Хайек выдвинул радикальные возражения против количественной теории денег, которой придерживались неоклассические экономисты вообще и чикагская школа в частности: «В силу своей макроэкономической природы она сосредоточена исключительно на общем уровне цен и внутренне не способна обнаружить последствия, которые экспансия платежных средств оказывает на структуру относительных цен. Поэтому она не учитывает самые тяжкие последствия инфляционного процесса: ошибочное инвестирование ресурсов и, как результат, порождение соответствующей безработицы» (Hayek 1980).

Помимо этого, Хайек возобновил дискуссию, которую Бём-Баверк вел с Кларком по вопросу концепции капитала. В своей работе «Чистая теория капитала» (Науек 1941) и статье «Мифология капитала» (Науек 1936, 199—228) Хайек подверг критике основателя чикагской школы Фрэнка Найта за приверженность мифической концепции капитала как однородного самовозобновляющегося фонда, в результате чего он проглядел структуру этапов производства, образующих в совокупности производственный процесс, и свел к нулю роль предпринимателя как в непрерывном создании, координации и поддержании этих этапов, так и в решении не делать этого. Согласно Хайеку, подход Найта очень опасен, поскольку одержимость равновесием ведет его в конечном счете к защите необоснованных теорий недопотребления и, косвенным образом, к оправданию кейнсианской политики искусственного вздувания эффективного спроса, не желающей учитывать ее искажающее воздействие на микроэкономическую структуру общественного производства.

Впрочем, наибольшее значение имела дискуссия между Хайеком и Кейнсом, длившаяся на протяжении 1930-х годов (Науек 1995). Хайек положил начало дискуссии двумя большими рецензиями на книгу Кейнса «Трактат о деньгах», появившуюся на английском в самом начале 1930-х годов, когда Хайек только поселился в Англии. Кейнс ответил яростными нападкамии на книгу Хайека «Цены и производство», и завязался спор, в котором был выяснен ряд важных аспектов теории денег и циклов. Сегодня, когда кейнсианская лодка прочно села на мель, мы начнем с того, на чем закончилась дискуссия в конце 1930-х. Хайек особенно критиковал Кейнса за его макроэкономический подход и отсутствие надлежащей теории капитала, которая бы, подобно предложенной Бём-Баверком, изображала производственную структуру как совокупность этапов. В вину Кейнсу он поставил и неразборчивость, с которой тот принял вульгарный миф о недопотреблении, в частности, не сумев понять, что вполне можно получать прибыль на производстве определенного товара даже в условиях падения спроса

на него, если при этом инвестировать в сокращение производственных издержек, внедряя дополнительные капитальные блага и создавая таким образом более капиталоемкую производственную структуру. В этой структуре на этапах, дальше всего отстоящих от потребления, обеспечивается занятость для факторов производства, высвобождаемых в результате роста сбережений на этапах, расположенных ближе к потреблению.

Более того, Хайек рассматривал кейнсианский рецепт выхода из Великой депрессии как всего лишь временное решение, чреватое неблагоприятными последствиями. Действительно, любое искусственное повышение совокупного спроса ведет к серьезному искажению структуры производства и способно породить лишь нестабильную занятость. К тому же, когда со временем станет ясно, что труд используется в неприбыльных производствах, возникнет еще большая безработица. Согласно Хайеку, предписываемые кейнсианцами и монетаристами фискальные и кредитно-денежные манипуляции вносят серьезные искажения в межвременное согласование рынка. Поэтому Хайек выступает в пользу политики жестких денежных стандартов и против валютного национализма и гибких обменных курсов, решительными сторонниками которых являлись Кейнс и теоретики чикагской школы. В другой замечательной книге, «Валютный национализм и международная стабильность» (Науек 1937), Хайек показывает, каким образом гибкие валютные курсы порождают и стимулируют глубокие искажения производственной структуры, неизбежно ведущие к рецессиям, которых не возникло бы в условиях фиксированных обменных курсов. Хайек утверждает, что гибкие валютные курсы препятствуют координации, осуществляемой рынком, и порождают излишние денежные искажения в реальном процессе размещения ресурсов.

Чтобы читателю было легче сопоставить радикальные различия в австрийском подходе Хайека и в макроэкономическом подходе кейнсианцев и монетаристов, мы свели эти различия в таблицу 6.1.

Таблица 6.1

Два противоположных подхода к экономической теории

Австрийская школа	Неоклассическая школа (монетаристы и кейнсианцы)
1. Время играет существенную роль	1. Влияние времени игнорируется
2. Капитал рассматривается как <i>неоднородное</i> множество капитальных благ, постоянно изнашивающихся и подлежащих <i>замене</i>	2. Капитал рассматривается как <i>однородный самовоспроизводящийся</i> фонд
3. Производственный процесс <i>динамичен</i> и <i>разделяется</i> на <i>разнообразные, вертикальные</i> этапы	3. Идея <i>одномерной, горизонтальной</i> производственной структуры, пребывающей в <i>равновесии</i> (<i>кругооборот</i> дохода)
4. Деньги влияют на процесс, изменяя структуру <i>относительных</i> цен	4. Деньги влияют на <i>общий</i> уровень цен. Изменения относительных цен не рассматриваются
5. Макроэкономические явления объясняются через <i>микроэкономические</i> (изменения относительных цен)	5. <i>Макроэкономические агрегированные показатели</i> мешают анализу стоящей за ними микроэкономической реальности
6. Приверженность теории, объясняющей <i>повторяемость</i> экономических кризисов институциональными причинами	6. Истинная теория циклов отсутствует. Кризисы объясняют <i>внешними</i> причинами (психологическими и/или ошибками кредитно-денежной политики)
7. Разработана детальная <i>теория капитала</i>	7. Теория капитала отсутствует
8. <i>Сбережения</i> играют решающую роль. Они порождают изменения длины производственной структуры и определяют выбор используемых технологий	8. Сбережения <i>не</i> имеют значения. Капитал производится <i>горизонтально</i> (того же самого все больше и больше), а <i>производственная функция</i> фиксирована и определяется состоянием технологии

1	2
9. Существует <i>обратная</i> взаимосвязь между спросом на средства производства и спросом на потребительские товары. Для любых инвестиций нужны сбережения и, следовательно, временное сокращение потребления	9. Спрос на средства производства <i>прямо</i> соотносится со спросом на потребительские товары
10. Предполагается, что производственные издержки <i>субъективны</i> и не предопределены	10. Производственные издержки <i>объективны</i> , реальны и предопределены
11. Рыночные цены определяют величину производственных издержек, а не наоборот	11. Исторические издержки производства определяют рыночные цены
12. Ставка процента — это рыночная цена, определяемая субъективными оценками временного предпочтения. Ставка процента используется для получения величины текущей стоимости, к которой тяготеет рыночная цена каждого капитального блага. Чтобы получить текущую стоимость капитальных благ, ожидаемый от них будущий поток доходов дисконтируют по ставке процента. Банковское дело с частичным резервированием и проводимая центральным банком политика манипулирования ставкой процента порождают повторяющиеся циклы бумов (искусственных) и спадов	12. Ставка процента определяется предельной производительностью или эффективностью капитала, понимаемой как внутренняя ставка дисконтирования, при которой ожидаемый поток доходов равен издержкам производства средств производства (которые мыслятся неизменными и предопределенными). Считается, что в краткосрочной перспективе ставка процента зависит исключительно от объема денежной массы

6.4. Дискуссия с социалистами и критика социальной инженерии

Начиная с публикации в 1935 г. сборника эссе о логической невозможности социализма «Коллективистское экономическое планирование» (Науек 1975), Хайек неутомимо

и преданно, бок о бок с Мизесом, участвовал в дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме. Основная идея Хайека, отраженная в заглавии последней написанной им книги, «Пагубная самонадеянность», состоит в том, что социализм представляет собой пагубное заблуждение интеллектуальной гордыни или научного высокомерия. В своих работах Хайек использует термин «социализм» в очень широком смысле, охватывающем не только так называемый реальный социализм (т.е. систему, основанную на государственной собственности на средства производства), но и вообще любую систематическую попытку с помощью принудительных методов социальной инженерии частично или целиком спроектировать или организовать какую-либо область сети человеческих взаимодействий, образующих рынок и общество. Хайек полагает, что социализм, в этом широком смысле слова, представляет собой интеллектуальную ошибку, потому что для того, кто желает организовать общество или регулировать его, логически *невозможно* создать или получить информацию или знание, которые позволили бы ему исполнить волюнтаристское намерение «усовершенствовать» общество. Собственно говоря, общество, согласно Хайеку, не является системой, «рационально организованной» чьим-то умом, потому что оно представляет собой *стихийный порядок*, т.е. динамический процесс, постоянно развивающийся и возникающий в ходе непрерывного взаимодействия миллионов людей, который не был и даже не мог быть сознательно или обдуманно создан каким-либо одним человеком.

Сущность социального процесса, по Хайеку, заключается (как мы видели в главе 2) в сугубо личной, субъективной, практической и рассеянной информации, или знании, которую каждый человек — в своих конкретных обстоятельствах места и времени — постепенно открывает и порождает в каждом из действий, которые он предпринимает для достижения своих конкретных целей, действий, материализующихся в этапах того увлекательного путешествия, каким является жизнь каждого человека. Для того чтобы люди могли по-предпринимательски открывать и передавать огромные объ-

емы практической информации или знания, требующегося для сохранения и развития сегодняшней цивилизации, они должны иметь возможность — без каких-либо помех, особенно систематического или институционального насилия или принуждения, — свободно ставить перед собой цели и находить средства, необходимые для их достижения. Поэтому понятен тот смысл, в каком Хайек рассматривает социализм, независимо от его типа или степени, как *интеллектуальную ошибку*. С одной стороны, человек, желающий «улучшить» или организовать определенную область общественной жизни с помощью институционального насилия, не в состоянии обладать огромными объемами практической, разрозненной информации, рассеянной по умам тысяч людей, которым приходится против своей воли выполнять его приказы. (Эта невозможность связана с ограниченностью его способности понимания, с объемом информации и в особенности с невыразимой в словах и динамической природой практического знания, имеющего ключевое значение для жизни в обществе.) С другой стороны, систематическое использование принуждения и насилия, являющееся самой сутью социализма, не позволяет людям свободно стремиться к своим целям, но тем самым и цели не могут выступать в качестве *стимулов* для открытия и создания практической информации, необходимой для развития и координации общества.

Хайек утверждает, что в силу тех же самых причин, по которым социализм является интеллектуальной ошибкой и логической невозможностью, институты, имеющие особое значение для жизни в обществе (моральные, правовые, языковые и экономические), не могли быть обдуманно созданы кем-либо, а являются результатом длительного эволюционного процесса, в который вносили свой крошечный вклад в виде опыта, желаний, стремлений, знания и пр. миллионы и миллионы людей сменяющих друг друга поколений, положивших, таким образом, начало ряда поведенческих норм (институтов), которые одновременно возникали в процессе социального взаимодействия и делали этот процесс возможным. Эти поведенческие нормы, или материальные правила поведения, образуют *промежуточную область* между

биологическим инстинктом, который затрагивает каждого из нас, и областью человеческого разума. Эта область промежуточна, потому что, хотя подобные правила поведения, несомненно, возникают в результате человеческой деятельности, они включают огромные объемы информации, опыта и знаний, намного превосходящие возможности любого отдельного ума создать, постичь или задумать подобного рода институты с нуля.

Правила поведения, делающие возможным возникновение цивилизации, появляются в результате эволюционного процесса, в ходе которого социальные группы, первыми выработавшие нормы и правила поведения, благоприятные для мирной, добровольной торговли (совокупность правил и институтов, образующих право собственности), постепенно поглощают и подчиняют себе другие группы, сравнительно более отсталые из-за своей примитивной или родовой организации. Поэтому, как указывает Хайек, социалисты глубоко заблуждаются, полагая, что чувства и установки, типичные для малых примитивных групп (основанные на принципах солидарности, альтруизма и преданности), могут стать основой *обширного порядка общественного сотрудничества*, образующего современное общество. В самом деле, принципы солидарности и альтруизма пригодны в примитивных группах именно потому, что в подобных группах потребности и особенности каждого члена хорошо известны. Однако попытка распространить принципы солидарности и альтруизма, типичные для родоплеменной группы, на обширный порядок общественного сотрудничества, где взаимодействуют и сотрудничают миллионы людей, которые не знают и никогда не узнают друг друга, способна привести лишь к исчезновению цивилизации, к физическому уничтожению большей части человечества и возврату к примитивному родоплеменному хозяйству, едва-едва обеспечивающего простое выживание.

Новый вклад Хайека состоял главным образом в демонстрации того, что идея Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме представляет собой просто частный случай более общего принципа логической

невозможности социальной инженерии или, иными словами, «конструктивистского» или «картезианского» рационализма. Поскольку рационализм этого типа покоится на иллюзии, что человеческий разум намного могущественнее, чем на самом деле он отражает пагубную сциентистскую заносчивость, не признающую границ для будущего применения методов социальной инженерии. Хайек использует термин «сциентизм» для обозначения неоправданного применения в общественных науках методов физических и естественных наук. В 1940-х — начале 1950-х годов он написал ряд статей, которые позднее, в 1955 г., объединил в сборнике «Контрреволюция науки» (Науек 1955; Хайек 2003). В этой книге Хайек дает уничтожающий анализ позитивистского рационализма, идущего от идей Конта, Сен-Симона и узкого бентамовского утилитаризма, предполагающих окружение, в котором информация о выгодах и издержках каждого действия известна и позволяет принимать максимизирующие решения. К сожалению, в этот же период была опубликована работа Милтона Фридмана «Очерки по позитивной экономической теории» (Friedman 1953), которая завоевала огромную популярность и дала новый импульс использованию позитивистской методологии в нашей науке. Хотя Хайек в своей книге в целом предвосхитил и подверг критике большинство наиболее одиозных положений Фридмана, сам Хайек позднее заявил: «Знаете, я часто говорю о том, что одна из вещей, о которых я больше всего жалею, это что я не вернулся к критике трактата Кейнса [«Общей теории»], но почти так же досадно, что я не подверг критике книгу Милтона «Очерки по позитивной экономической теории», в определенном смысле крайне опасную» (Науек 1994, 145). Это замечание может удивить тех, кто отождествляет Хайека с либерализмом чикагской школы, не отдавая себе отчет в очень глубоких методологических различиях между членами этой школы и австрийскими теоретиками. В другом месте он более подробно высказался о методологических разногласиях с Фридменом и неоклассиками: «Фридмен — это архипозитивист, считающий, что научные аргументы могут строиться только на том, что эмпирически доказано. Я же полагаю, что

нам уже известно столько деталей в области экономической теории, что единственная задача — привести знания в порядок. Вряд ли мы нуждаемся в какой-либо новой информации. Главная трудность — переварить уже известное. Статистика не делает нас мудрее, она лишь дает информацию о конкретной ситуации. Не думаю, что статистические исследования могут чем-то помочь в плане теории. ...У монетаризма Милтона и у кейнсианства гораздо больше общего между собой, чем у меня с любым из этих направлений. ...Чикагская школа мыслит, в сущности, “макроэкономическими” понятиями. Они ведут анализ на уровне агрегированных показателей и средних: совокупное количество денег, общий уровень цен, общая безработица, все эти статистические величины. ...Возьмите “количественную теорию” Фридмена. Сорок лет назад я писал, что у меня есть сильные возражения против нее, так как это очень грубый подход, оставляющий без внимания массу вещей. Мне досадно, что такой искушенный человек, как Милтон Фридмен, не использует ее в качестве первого приближения, а принимает всю целиком. Так что в конечном итоге мы расходимся именно методологические вопросы» (Наук 1993, 129—130).

Наконец, следует помнить, что Хайек начал критический анализ теории равновесия с двух плодотворных статей, опубликованных в 1930-х и 1940-х гг., — «Экономическая теория и знание» (1937) и «Использование знания в обществе» (1945). В них подчеркивается вывод, к которому Хайек пришел в ходе дискуссий с социалистическими неоклассическими теоретиками, а именно, что они проглядели проблему неосуществимости социализма, поскольку в своих моделях общего равновесия исходят из предположения, что вся необходимая информация о переменных и параметрах совместных уравнений, описывающих равновесие, уже «дана». Хайек показывает, что, вопреки предположению теории экономического равновесия, в реальной жизни подобная информация никогда не бывает «дана», а ее постепенно открывают предприниматели в динамичном процессе, который и должен быть объектом исследований экономистов. Таким образом, Хайек отвергает неоклассическую концепцию

совершенной конкуренции и, следуя австрийской традиции (идушей от схоластов), предлагает динамичную модель конкуренции, понимаемой как процесс открытия информации. Эту идею он выразил в двух важных статьях — «Смысл конкуренции» (1946) и «Конкуренция как процедура открытия» (1968) (Хайек 2000, 102—114; Хайек 1989).

6.5. Право, законодательство и свобода

1949 год, когда Хайек покинул Лондонскую школу экономики и переехал в Чикагский университет, ознаменовался существенным изменением его исследовательской программы. Он отошел от проблем экономической теории и взялся за исследование правовых и институциональных факторов, ведущих к свободному обществу. Хайек утратил интерес к теоретическим дискуссиям 1950—1960-х годов, предметом которых были выросшие из «кейнсианской революции» макроэкономические концепции, и в ожидании, когда уляжется буря сциентизма, взялся за начатое Карлом Менгером исследование возникновения и эволюции институтов. Плодом тридцатилетних усилий стали две работы первостепенной важности — «Конституция свободы» (Науек 1990а; Хайек 2007) и «Право, законодательство и свобода» (Науек 1978, 1981; Хайек 2006).

Здесь невозможно представить все достижения Хайека в области теории права и политологии, хотя на испанском эта работа уже проделана выдающимся исследователем его творчества (De la Nuez 1994). Отметим только наличие очевидной связи между достижениями Хайека в области экономической теории и в области теории права и политологии. Согласно Хайеку, поскольку социализм представляет собой системную, институционализированную атаку на свободу человеческой деятельности, осуществляемую посредством *принуждающих декретов и приказов*, следствием оказывается разрушение традиционной концепции *права*, понимаемого как совокупность правил, имеющих *общий* (равно применимых к каждому) и *абстрактный* (поскольку они просто устанавливают рамки деятельности, никак при этом не оговари-

вая конкретных результатов социального процесса) характер. В результате материальное право оказывается вытесненным ложным «правом», которое представляет собой конгломерат административных предписаний, норм и приказов, точно устанавливающих, как именно должен действовать тот или иной человек. Так что по мере расширения и углубления государственного вмешательства в экономику традиционные законы перестают действовать в качестве норм личного поведения, а их роль принимают на себя принуждающие декреты и приказы, исходящие от властного органа (избранного демократически или нет), которые Хайек, противопоставляя их общей концепции права, называет «законодательством». Таким образом, сфера практического действия закона сужается и оказывается ограниченной теми областями, которые, даже если они являются объектом регулирования, не попадают под прямое влияние интервенционистского режима.

Более того, у всего этого есть еще очень существенное побочное следствие: поскольку вместе с материальными законами исчезают и важные ориентиры, постепенно меняется и тип личности, так что люди утрачивают привычку приспосабливаться к абстрактным, общим правилам поведения. Они все в меньшей степени усваивают и соблюдают традиционные нормы поведения. Кроме того, социализм культивирует пренебрежение к закону, поскольку во многих случаях неисполнение приказов властей становится вопросом выживания, а для коррумпированных предпринимателей это же является залогом успеха, так что в результате люди начинают воспринимать пренебрежение правилами как превосходное выражение человеческой изобретательности (которую нужно воспитывать и поощрять), а не как нарушение системы норм, чреватое опасностью для общественной жизни. Короче говоря, социализм толкает людей к нарушению закона, выхолащивает содержание закона и извращает его, дискредитируя закон на социальном уровне, в результате чего граждане теряют всякое уважение к закону.

Согласно Хайеку, это унижение концепции права неизменно сопровождается параллельным унижением концепции *справедливости*. В традиционном смысле справедливость —

это равная обязательность для всех людей абстрактных материальных правил поведения, составляющих частное право и уголовное право. Поэтому вовсе не случайно правосудие изображают с завязанными глазами — оно и должно быть *слепо* в применении закона, ибо сказано: «не будь лицепрятен к нищему; и не угождай лицу великого» (Лев 19, 14). Поскольку социализм систематически искажает традиционную концепцию закона, он также подменяет традиционную идею справедливости. Ведь в социалистической системе «справедливость» состоит преимущественно в произвольных оценках, осуществляемых правящими органами или отдельными судьями, исходящими из более или менее эмоционального впечатления о конкретных «конечных результатах» некоего социального процесса, который, как им представляется, они воспринимают в данный момент и смело пытаются направлять с помощью приказов. Получается, что теперь оценивается не поведение людей, а воспринимаемый «результат» поведения в ложном контексте «справедливости», которую украшают прилагательным «социальная», чтобы сделать ее привлекательной для пострадавших от нее. С позиций традиционного права, *нет ничего более несправедливого, чем концепция социальной справедливости*, потому что она опирается на взгляды, впечатления или оценки «результатов» социальных процессов, невзирая на оценку поведения людей с позиций норм традиционного права.

Хайек отмечает, что в традиционном праве судьи выполняют чисто интеллектуальную функцию и не имеют права действовать под влиянием эмоций или личной оценки последствий приговора для каждой из сторон. Если, как это происходит в социалистической системе, объективное применение закона оказывается необязательным и допускаются судебные решения, основывающиеся на более или менее субъективных эмоциональных впечатлениях, исчезает всякая правовая определенность, а люди скоро начинают понимать, что любое притязание может получить судебную защиту, если удастся произвести на судью благоприятное впечатление. Это становится мощным стимулом для сутяжничества, а в хаотической ситуации, создаваемой паутиной

противоречивых и произвольных декретов, обременяет судей настолько, что их работа делается все более невыносимой и неэффективной. Процесс распада заканчивается только с фактическим исчезновением традиционного правосудия, а также судей, которые превращаются в обычных бюрократов, подчиняющихся политической власти и отвечающих за проведение в жизнь ее распоряжений. В таблице 6.2 представлены основные различия между стихийным процессом, основанным на предпринимательстве и свободном взаимодействии людей, и организованной системой, базирующейся на приказах и институциональном принуждении. Таблица выявляет противоположные эффекты, оказываемые, согласно Хайеку, этими двумя подходами на концепции права и справедливости и их применение.

Таблица 6.2

Стихийный социальный процесс, основанный на предпринимательстве (свободное социальное взаимодействие)	Социализм (систематическая институциональная агрессия против предпринимательства и свободной человеческой деятельности)
1. Координация в обществе осуществляется стихийно благодаря предпринимательству, которое постоянно открывает и устраняет социальную рассогласованность, возникающую как возможность получения прибыли (стихийный порядок)	1. Предпринимаются попытки для обдуманной координации сверху с помощью исходящих от властей, <i>принудительных указов, распоряжений и регулирования</i> (организованная иерархия — от <i>hieros</i> — священный и <i>archein</i> — властвовать)
2. Главной фигурой процесса является <i>человек</i> , действующий и проявляющий творческую предприимчивость	2. Главной фигурой процесса является <i>лидер</i> (демократический или нет) и <i>государственный чиновник</i> (человек, действующий в соответствии с административными приказами и постановлениями властей)

1	2
<p>3. Социальное взаимодействие строится на <i>договорных</i> связях, а стороны обмениваются товарами и услугами в соответствии с материальными юридическими правилами (правом)</p>	<p>3. Социальное взаимодействие строится на гегемонических связях: одни приказывают, другие повинуются. В «социальной демократии» «большинство» осуществляет принуждение по отношению к «меньшинству»</p>
<p>4. Преобладает <i>традиционная концепция права, понимаемого как совокупность абстрактных общих правил</i>, равно применяемых ко всем независимо от входящих обстоятельств</p>	<p>4. Преобладают <i>постановления и предписания</i>, формально во всем подобные традиционным нормам закона, но являющиеся особыми, конкретными указами, которые предписывают людям выполнять в определенных обстоятельствах определенные действия и не применяющиеся равным образом ко всем</p>
<p>5. Законы и институты, делающие возможными социальные процессы, не были созданы обдуманно, а <i>развились из традиций</i>; они заключают в себе накопленные многими поколениями огромные объемы практического опыта и информации</p>	<p>5. <i>Органы власти</i> обдуманно выпускают постановления и предписания, которые в силу неустранимого неведения властей относительно гражданского общества отличаются крайним несовершенством и неосновательностью</p>
<p>6. Стихийный процесс делает возможным <i>социальный мир</i>, поскольку каждый человек, действующий в рамках закона, получает выгоду от своего практического знания и <i>преследует собственные частные цели</i> на пути мирного сотрудничества с другими людьми, стихийно приспособляя свое поведение к поведению других людей, преследующих совсем другие цели</p>	<p>6. Должна <i>преобладать</i> и быть обязательной для всех одна цель или один набор целей, достижение которых обеспечивается обдуманными распоряжениями. Это ведет к неустранимому и бесконечному социальному конфликту и насилию, исключающим всякую возможность социального мира</p>

1	2
7. <i>Свобода</i> понимается как отсутствие насилия или агрессии (как институциональных, так и не имеющих системного характера)	7. «Свобода» понимается как способность в любой момент достигать конкретные цели (посредством простого акта воли, приказа или прихоти)
8. Преобладает традиционное понимание <i>справедливости</i> , в соответствии с которым закон (его материальная часть) должен быть одинаковым для всех независимо от конкретных результатов социального процесса. Единственным видом равенства является <i>равенство перед законом</i> , применяемым системой правосудия, слепой к частным различиям между людьми	8. Преобладает ложная идея «справедливости результатов» или « <i>социальной справедливости</i> », иными словами, идея <i>равенства результатов</i> социального процесса независимо от поведения (какими бы они ни были с позиций традиционного права) участвующих лиц
9. Преобладают отношения <i>абстрактного, экономического и делового</i> характера. Ложные концепции лояльности, «солидарности» и иерархии не вмешиваются в жизнь людей. Каждый выстраивает свое поведение в соответствии с нормами материального права и участвует во <i>всеобщем социальном порядке</i> , в котором нет ни «врагов», ни «друзей», ни ближних, ни дальних, а есть просто множество людей, в большинстве своем неизвестных, с которыми человек взаимодействует взаимовыгодным и все более сложным и далеко идущим образом (истинное значение термина «солидарность»)	9. В социальной жизни преобладает <i>политическое</i> , а главные связи «родоплеменные»: а) <i>преданность</i> группе и ее вождю; б) уважение к <i>иерархии</i> ; в) помощь «ближнему», с которым ты знаком («солидарность»), и пренебрежение и даже презрение к «другим», более или менее неизвестным людям, являющимся членами других «племен», которые только в силу этого вызывают недоверие и считаются «врагами» (ложное и близорукое значение термина «солидарность»)